

БЕТОННЫЙ ОСТРОВ

Фантастический рассказ

Саймон не сказал никому, когда нашел это в первый раз. Он запрятал это подальше в карман своего темно-серого комбинезончика и вернулся к детям рисовать на песке карты. Вечером незаметно от мамы он быстро сунул это под подушку. Джейн поцеловала его перед сном и прикрыла за собой дверь. Когда медленно сгустились фиолетовые сумерки, Саймон поднялся, оперся на руку и осмотрел это.

Оно было совсем непонятное: мягкое, гнулось, но не ломалось. И было красивого, какого-то нового для Саймона цвета. А запах был странный... Саймон вдохнул его еще и еще, и вдруг ему стало не по себе. И он силился вспомнить, что бы это могло быть и было ли это с ним раньше. Но в пять лет подолгу не раздумываешь ночами, и незаметно подкрадываются сны...

На другой день оно потемнело и легко растиралось в ладони. Саймону стало противно, он выбросил его и пошел поискать еще.

Саймон послонялся немного по песочнице, а затем метнулся через мощеную площадку для игр вниз по вертикальной белой лестнице к нижнему уровню. Это была запретная для детей территория.

Пекло солнце. Саймон стоял на треугольной площадке, отгороженной с двух сторон стеной. Третья сторона обрывалась. Там, на трассе, далеко внизу — безостановочное движение в двадцать четыре ряда.

Он огляделся, удостоверился, что никого нет, и направился в угол, где сходились стены. Здесь они неплотно прилегали друг к другу, и мальчик протиснулся в щель между ними.

* * *

— Саймон, милый, ну что еще там у тебя? — спросила Джейн, когда Саймон, пыхтя, весь в пыли, явился домой подкрепиться.

— О, ничего особенного, мамочка, — сказал он. Но все выдавало его, и Джейн рассмеялась. Держа руку за спиной, он боком продвигался к своей комнате, стараясь улизнуть.

Она наклонилась над ним:

— Пойдем-ка, пойдем, покажи маме.

Очень неохотно он вытащил руку из-за спины и раскрыл кулачок.

Джейн оцепенела, глядя на его ладонь. Наконец она заговорила, боясь, что Саймон услышит, как дрожит ее голос:

— Где ты это нашел?

Саймон замялся. Мама рассердится, если узнает, что он спустился на запретный нижний уровень, так близко от обрыва.

— Ну, оттуда... — небрежно бросил он.

— Понятно. Ты покажешь папе, где именно?

Саймон расплакался:

— Не сердись, мамочка. Пожалуйста!

Внезапно она судорожно обняла его.

— Я не сержусь, милый. Давай забудем об этом. — Ее слезы упали на светлые прядки сына. — Поди помой руки, — сказала она быстро и отвернулась к окну. Он не увидел ее блестящих от слез щек.

Джейн разжала пальцы. Вот оно, рассекает ее ладонь, словно глубокая рана. Ей захотелось немедленно выбросить это прочь, швырнуть в мусоропровод! Пусть истлеет там под грудой банок и картонок, станет прахом. Но это означало — скрыть! А скрыть — это все равно, что подписать себе смертный приговор. Джейн хорошо знала, что власти неумолимы в таких случаях. Стоя у окна и глядя вниз, она в смятении ждала прихода Роберта.

Они жили невысоко, на тридцать втором этаже. Далеко внизу тянулась трасса безостановочного движения от Северной Шотландии до побережья Средиземноморья. Под солнцем она светящейся лентой перерезала Англию, перепрыгивала через пролив, делила надвое Францию и там, дальше, соединялась с такими же дорогами из Скандинавии, Испании.

Все было ослепительно вокруг, даже сквозь темные очки, обязательные здесь для каждого. Повсюду, насколько хватал глаз, свет отражался от блестящих блоков квартир, учреждений, заводов со стеклянными стенами. Между ними тянулись торговые уровни, соединенные пролетами лестниц с уровнями для развлечений и спортивными уровнями. Тропинки сплошь были вымощены розовыми плитами. Песочницы наполнены мельчайшим серебристым песком. Плавательные бассейны выложены глянцевитым голубым кафелем.

— Что ты будешь с этим делать, мамочка? — Она не заметила, как подошел Саймон, и вздрогнула от его вопроса.

— Мы положим это вон на ту полочку, пока папа не вернется с работы. — Сейчас было важно говорить как можно легче, как будто речь шла просто о куске металла или необычно окрашенном осколке стекла.

Она вынула сосуд, наполнила водой и растворила в нем большую ложку белого порошка. Пока Саймон пил то, что называлось молоком, Джейн спросила как бы между прочим:

— Ты показал это кому-нибудь еще?

— Нет, это секрет, мой секрет, — повторил Саймон, довольный тем, что мама больше заинтересовалась самой вещью и не спрашивает, где он это раздобыл. И добавил доверительным шепотом: — Я уже три нашел.

Сердце Джейн сжалось от нового приступа страха: три!

— А что ты сделал с другими? — В голове ее пронеслось: он ведь может оставить их в лифте, песочнице или бассейне.

— Я выбросил их. В мусоропровод. Они стали противными. — Он помедлил. — Даже смешно. Первая почернела и размякла, а вторая пожелтела и высохла. Что это такое, мама?

— Не знаю, Саймон. Может быть, папа скажет, — поспешно ответила она. Только бы он не догадался, что с ней сейчас творится. — Поди побегай, потом можешь поплавать. И возвращайся до дождя.

В жаркие летние вечера с шести до восьми ежедневно Министерство погоды устраивало двухчасовые сеансы дождей. Для очистки бетона и освежения атмосферы.

Саймон умчался, размахивая на бегу своим маленьким полотенцем. Он любил плавать и уже чувствовал себя уверенно в бассейне для взрослых.

Джейн снова взглянула на это. Если Саймон и в самом деле еще никому не сказал, может быть, удастся избежать вмешательства властей.

Ей вспомнился разговор Саймона с отцом. Мальчик рос очень любознательным, и Роберт гордился сыном.

— Папа, что такое «цветет»?

— Это когда из некрасивого и обычного что-то становится приятным, хорошеньким.

— Непонятное слово, папа, — не успокаивался Саймон. — Откуда оно взялось?

Саймон всегда спрашивал, как произошло слово, с тех пор как Роберт сказал ему, что небоскребы, построенные несколько сот лет назад, называются так потому, что люди сначала думали, будто небоскребы действительно касаются неба.

Рисунки К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

Роберт отвел глаза в сторону, ему пришлось сказать, что он не знает, как произошло слово «цветет». А позже он жаловался Джейн: «Спросил бы что-нибудь попроще. Например, что такое секс». Они расхохотались.

Роберт пришел домой усталый и разгоряченный. Он был работником нижнего уровня в Министерстве науки, а это означало, что, помимо него, в служебной комнате находилось еще тридцать девять человек. А некто чином выше занимал комнаты на нижних, прохладных и более затененных этажах.

Джейн засыпала темно-коричневый порошок в сосуд с водой, и сейчас же запенилось светло-палевое пиво. Роберт пил с наслаждением, утирая потное лицо.

Джейн знала, любое вступление сейчас бесполезно, поэтому сразу взяла это с полки и протянула Роберту:

— Это нашел Саймон.

Роберт замер и медленно протянул руку:

— Нет, только не Саймон... — глухо пробормотал он. — Но где, как?

— Не знаю. Я не спрашивала. Не хотела запугивать мальчика. Роберт продолжал машинально прихлебывать пиво.

— Ну что будем делать? — спросила Джейн после долгого молчания.

— Кто-нибудь еще знает?

— Во всяком случае, он уверял, что никто.

— Хорошо, хорошо... Тогда рискнем. Как бы не обратим внимания. Я должен подумать.

* * *

Все ушли. В бассейне остались только Саймон и Сэмми Пробик. Они плавали наперегонки.

— Что ж, может, ты и быстрее меня, — уязвленно говорил Сэмми, выходя из воды на несколько секунд позже Саймона. — А спорим, вот туда ты ни за что не пойдешь! — он торжественно показал в направлении запретной территории.

— Бывал много раз, — с видом превосходства ответил Саймон.

— Ты? Один?

— Я. Тысячу раз! — продолжал Саймон и, видя недоверчивое выражение лица Сэмми, сообщил: — И нашел там такое, что ты и во сне не видел! Таинственное...

— Тише! А что это?

— Не скажу.

— И нет тогда у тебя ничего таинственного! И ты не был там.

— Нет, был, был! — затопал Саймон ногами.

— Ну, тогда пойдешь вниз!

Саймон замешкался. И Сэмми бросил вызов:

— Спорим, что струсил?!

* * *

— Все-таки я не понимаю, какой от этого вред. И такому маленькому мальчику, как Саймон? — недоумевала Джейн.

— Это может привести к пробуждению подсознательной памяти, так считают власти. Люди вспомнят то, что приучены крепко-накрепко забыть. И тогда родится недовольство, — сказал Роберт.

— Но даже я не могу вспомнить, видела ли я эту вещь раньше. Что же может вспомнить ребенок?

— Но, дорогая Джейн, — Роберт обхватил рукой ее узкие плечи, — ведь ты догадываешься, не так ли?

— Я думаю, да.

— А Саймон — нет. В этом-то и вся идея: вырастить поколение, которое понятия не имеет о том, что было раньше. До этого. — Он показал жестом на теснящуюся громаду зданий вокруг. — Любой ценой не дать размножиться этой вещи. И не только экономически это невыносимо. Если люди это увидят, их память может взбунтоваться, приведет к неповиновению и дальше — к безумию...

— Ты преувеличиваешь. Вряд ли так много вреда...

— Слушай, Джейн, — он повернул ее к себе лицом. — Ты же знаешь, что видят люди, лишенные долгое время воды. Миражи: фонтаны, бассейны... Теперь представь, как поведет себя население Британии, если в их памяти отчетливо и резко всплывет то, чего людям так не хватает и без чего мы уже приучены обходиться. Вот почему так беспощадны власти, так... неумолимы. — Его голос дрогнул.

— Но ведь только мы одни знаем, правда? Правда, Роберт?

— Конечно. Но источник нужно немедленно разрушить. Мне придется попросить Саймона показать это место и сделать все самому.

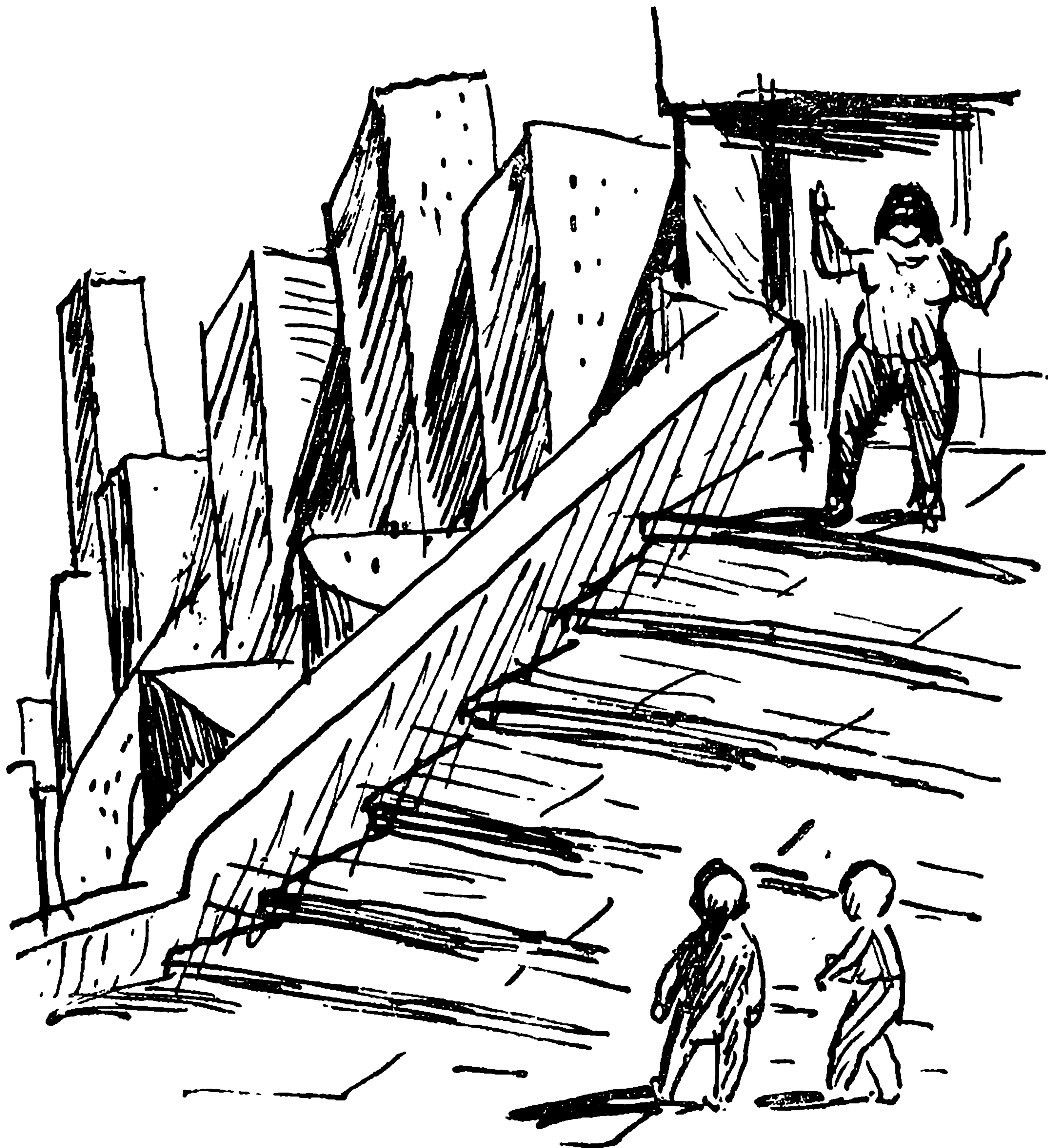
— Мы все пойдем, — сказала Джейн.

— Но помни, — добавил Роберт, — если Саймон уже сказал кому-нибудь, жди незваных гостей.

* * *

Грузная фигура в черных брюках высилась на верхней площадке лестницы. Это была миссис Пробик.

— Что ты делаешь там внизу, маленькая обезьяна? — грубо и громко закричала она.

Сэмми тотчас принялся реветь:

— Это все он! Он заставил меня.

Потом в углу между стенами возник Саймон.

Миссис Пробик вспыхнула. Она ненавидела родителей Саймона. У Роберта была более интеллигентная работа, чем у ее мужа, мистера Пробика. Она обеспечивала ему больше выходных дней и невысокий этаж в доме.

— Ну, погоди! Матери твоей скажу! — закричала она, выволакивая Сэмми с последних ступенек. Саймон карабкался медленно, зажав что-то в кулаке.

— Что ж ты там нашел? — начала было она и вдруг все поняла. — Сэмми, отойди! — вскрикнула она в ужасе. — Не смей приближаться к этому грязному мальчишке! — Она попятилась, прикрывая собой сына. — Надо сообщить кому-нибудь... — бормотала она. Выражение злости на ее лице сменилось теперь страхом.

* * *

Да, Роберту всегда становилось обидно, если мальчишка видел, что отец не в состоянии ответить на какой-нибудь вопрос. Ведь тогда страдала его репутация человека с широким кругом знаний, признанная даже взрослыми.

— Папа, оно так забавно пахнет, — говорил Саймон, — и что-то мне напоминает. Но вспомнить не могу. — И, следя за выражением папиного лица, добавил: — Приятное как будто бы...

— Ты видишь, — прошептал Роберт. Джейн кивнула.

— Саймон, попытайся забыть об этом и никогда не ходи туда снова и не прикасайся к нему. А если еще раз найдешь, скажи только нам. — Роберт говорил мягко, но подчеркивая каждое слово.

— Хорошо, папа, — доверчиво согласился Саймон. — А миссис Пробик рассердилась, когда увидела это. — Он зевнул, собираясь идти спать.

Джейн схватила Роберта за руку:

— Только не миссис Пробик!

— Ты ей показал?! — резко и требовательно прозвучал голос отца. Саймон понял, что произошло что-то непоправимое. Нижняя губа его задрожала. Помедлив, он рассказал все как было.

— И я даже Сэмми показать не успел, — прохныкал он в конце концов.

По крышам и панелям забарабанил дождь.

— Иди спать, Саймон, — ласково проговорил Роберт. Мальчик подавленно вышел.

— Тогда вот что, Джейн, — Роберт подошел к ней. — Нам придется немедленно сообщить. Откладывать нельзя. Будет хуже.

— Разве мы... разве мы не можем сделать вид, что ничего не случилось? — всхлипнула Джейн. — Мы скажем, что это она нам назло. Она всегда нам завидовала.

— Нет. Власти знают, что здесь, кроме злобы, есть кое-что пострашнее. Она могла по-настоящему ужаснуться и теперь

считает своим долгом сообщить куда следует. Конечно, она спешит, потому что справедливо боится, что это пахнет смертью.

— Что же будет? — голос Джейн был едва слышен сквозь шум дождя. — Они его заберут?

Роберт задумался:

— Очевидно, остаться здесь ему не разрешат. Не позволят и общаться с другими детьми. Может быть, ненадолго возьмут на лечение... Они это так называют. И это было бы еще великодушно. Иначе он станет... изгоем.

— Тогда мы поедem с ним. Любой ценой!

Сквозь потоки дождя далеко внизу они увидели черный вертолет. Он повисел в воздухе над площадкой их блока, а затем приземлился на темно-розовую мостовую. Появились четверо. Рядом с ними можно было разглядеть приземистую фигуру миссис Пробик. Она вела, показывала...

Джейн и Роберт пошли к Саймону. Он с тревогой поглядел на них из-под простыни. Но, заметив, что они улыбаются, затих. Джейн поцеловала его.

— Папочка, — бормотал он, засыпая, — что такое обезьяна? — Джейн отвернулась.

— Я скажу тебе утром, — прошептал Роберт, наклоняясь и целуя его. Они вышли, тихо прикрыв дверь.

Звонок прозвенел резко.

Роберт повернулся:

— Притворяться не будем, Джейн. Положи это на стол. — Он помедлил секунду. — Они еще могут сжалиться... — И пошел открывать.

Сверху низвергались яростные потоки. Проходила очередная очистительная процедура: очищали бетон и атмосферу. Другого назначения дождя на бетонном острове не существовало. Как не существовало и растительности...

Джейн взяла с полки и, содрогнувшись, положила на стол длинный зеленый стебелек травы.

Перевела с английского Т. МОИСЕЕВА

